

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Шапшова Снежана Александровна

студентка

Божкова Галина Николаевна

канд. филол. наук, доцент, преподаватель

Елабужский институт ФГАОУ ВПО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»

г. Елабуга, Республика Татарстан

КАРПЕНЕВТИЧЕСКИЙ И СОУНДАЛЬНЫЙ КОДЫ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ИНТИМНОЙ ЛИРИКЕ Г.Н. КАПРАНОВА

Аннотация: статья посвящена проблеме использования карпеневтического и соундального кодов при создании образа лирического героя. Авторы отмечают такую важную черту современной литературоведческой ситуации, как обращение к творчеству своих земляков. Исследователи Татарстана открыли имена Стахеева, Каменева, Невоструева, Дьяченко и других; арзамасцы – Марии Жуковой; орловцы изучают не только вечных «своих» Лескова, Тургенева, Бунина, Андреева, но и Иосифа Калининкова. Творчество казанского поэта Геннадия Капранова, несмотря на свою яркость и необычность, малоизучено. Отличительной особенностью лирики Г.Н. Капранова является использование поэт-ом ольфакторных, гестуальных, карпеневтических и соундальных художественных деталей, способных более полно воссоздать изображённую реальность и раскрыть образ лирического героя.

Ключевые слова: ольфакторный код, гестуальный код, карпеневтика, соундальные детали, лирический герой, звукопись.

Геннадий Николаевич Капранов прожил короткую жизнь: в возрасте сорока семи лет (в июле 1985 года) поэт погиб от удара молнии на пляже в Набережных Челнах. Окончил факультет иностранных языков Казанского педагогического

института. Работал учителем, рабочим. Г.Н. Капранов оставил нам более двух тысяч стихотворений, несколько поэм, переводы из английской и французской поэзии. Единственная книга «Я чист, как родниковая вода, <...>», появилась только в 2008 году.

В данной статье была предпринята попытка с помощью анализа карпеневтического (*carpus* – «кисть руки», жест) и соундального (*sound* – «звук») кодов в интимной лирике выяснить своеобразие и творческую индивидуальность малоизученного поэта.

Юрий Цивьян в монографии «На подступах к карпалистике. Движение и жест в литературе, искусстве и кино» утверждает, что некоторые жестовые приёмы дают возможность наиболее точно почувствовать психологическое состояние человека – это невербальное общение, о котором уже говорил А.Б. Есин как о суммарно-обозначающем психологизме [4, с. 132]. Г.Е. Крейдлин в «Словаре языка русских жестов» доказывает, что существует знакомый всем, международный язык, который способен сблизить людей любой национальности – это жест [2, с. 59].

Нас привлекла интимная лирика казанского поэта Геннадия Николаевича Капранова, который для выражения тёплых чувств к близким людям использует не только вербальное общение, а ещё и жесты, мимику, звуки. Многие стихи сборника «Я чист, как родниковая вода, <...>» посвящены теме материнской любви. Мама для Геннадия Николаевича – это друг, советчик, наставник. Автор стихов признаётся, что любовь к поэзии привила ему именно она. Не раз в своих стихотворениях поэт повествует о том, что истинная, самая искренняя любовь – это любовь к матери. В элегии «Ещё любовь» он называет такое чувство «любовью-добром». У него она «маленькая, размером с кулак, то есть с сердце» [1, с. 50]. Кулак часто ассоциируют с силой, властью. Но поза с жатым кулаком в интимной лирике Г.Н. Капранова вовсе не означает агрессию и не является оружием. Однако нельзя забывать, что, сжимая кулак, происходит процесс волеизъявления – это значит, лирический герой «отворачивается» от внешнего чуждого

ему мира и сосредотачивается на внутреннем «Я», где черпает силы, ведь его сердце всегда согревает любовь и поддержка близких людей.

Немаловажную смысловую нагрузку в стихотворении несёт эпитет «родная кровь», т.е. любовь к матери рождается вместе с ребёнком, это чувство нельзя объяснить: «<...> Есть одна худючая старушка, / это мама, я её люблю <...> / <...> Тут ума и сердца солидарность, / опыт жизни и родная кровь. / Это даже и не благодарность. / Это просто, знаете, любовь» [Там же]. Любовь Капранова проста, незамысловата, поэтому он часто иронизирует, рассказывая о ней, использует разговорную лексику: «худючая старушка», «знаете». Геннадий Николаевич признаётся в том, что окутанная тёплым сыновним чувством «худючая старушка» для него была ещё и верным другом, который укажет на ошибки, поможет сделать выбор: «Мама смотрит на вещи строго: / счастье дело, мол, наших рук <...>» [1, с. 74]. И вновь мы не можем не заметить такую портретную деталь как руки. Лирическая героиня использует всем известную поговорку «наше счастье в наших руках», и руки в данном случае – это составляющая комфортной жизни человека, потому что счастье любой личности, в первую очередь, составит умение найти любимое дело («дело в руках спорится»), а богатство духовного мира способны продемонстрировать жесты.

Тепло материнского чувства очень часто связано с художественной – руки. В традициях многих народов распростертые руки символизируют – благословение, мир, защиту, радушие. Мать в стихотворениях Г.Н. Капранова – это «тыл», «стена», «мир», человек, который укажет путь.

Таким образом, самым дорогим подарком судьбы лирический герой Капранова считает любовь матери, которой он многим обязан. Взрослый поэт для неё «мальчишка», а он, в свою очередь, совершенно интуитивно помнит тепло её рук, которые становятся лейтмотивной портретной деталью, олицетворяющей семейный очаг, защиту.

Любовь матери и к матери это модель любви к женщине, ведь многие психологи убеждены, что мужчина даже в избранницах интуитивно любит мать. Об-

ратимся к следующему типу любви в лирике Геннадия Капранова – любовь мужчины к женщине. Поэт не был женат, поэтому большая часть стихотворений о прошедшей любви, безответной или несчастной. Любовь автора разная, и, конечно, лирический герой в этих стихах постоянно меняет маски.

В стихотворении «И вечер, и ночь» образ влюбленного лирического героя вновь позволяет раскрыть портретная художественная деталь – рука. Характеризуя материнскую привязанность, данная «аксессуарная подробность» выполняла психологическую функцию (защита, оборона, тыл), а в стихах о любви – характерологическую функцию. «Ручка» избранницы маленькая, худенькая, сравнивается с большой, сильной рукой лирического героя. Подобное наблюдение пробуждает в герое желание защитить свою женщину, уберечь ее от всех невзгод и это чувство уже появлялось в стихах, адресованных матери: «<...> Взял её за руку – / Боже мой – / Она тоненькая и лёгкая <...>» [1, с. 53].

Стоит заметить, что руки девушки «тоненькие», «лёгкие», а не сильные, как у матери, способные сжаться в кулак. Теперь данная деталь призвана усилить женственность, нежность, неискuschenность, девственность образа возлюбленной. Поэт прислушался к мудрому совету матери и убедился в том, что счастье человека «в его руках». Лирический герой лирики Г.Н. Капранова понимает, что чувство необходимо укреплять и защищать, поэтому появляется в стихотворном очерке интересный психологический жест: женскую руку согревает мужская. Руки в данном стихотворении – вечный символ, скорее даже эмблема объединения женского и мужского начал, гармонии. Но это еще не любовь, а скорее влюбленность, что выражено в звуковой метафорической детали шелк, повторяющейся и задающей тон стихотворению. Данный незамысловатый звук как будто управляет лирическим героем. Она шелкает – он влюбляется: «<...> Скучно спутнице. / Шелкает сумочкой: / раз – шелк, / два -шелк, / три -шелк. / – Если можешь, / иди не шелкай <...>» [1, с. 53]. Психологи установили, что, выбирая спутника или спутницу жизни, на человека всегда влияют ольфакторный (запахи), гестуальный (мимика), соундальный (звуковой) коды. А вот в стихотворении «Кино» представлено уже настоящее чувство («сильное, как смерть»), любовь

жертвенная. Избранница больна, и на смену ироническому виду пафоса приходят серьёзные драматические нотки. «Кровавый белый платок» становится символом смертельной болезни, а поцелуй – исцелением: «<...> Пленили меня не лицо, не походка – / я в этом тогда еще был не знаток – / а яркое имя ее – и чахотка, / и кровью запачканный белый платок <...>» [1, с. 64]. К сожалению, отсутствие биографических сведений не позволяют узнать имя женщины, ставшей прототипом. Но даже и в такой кризисной ситуации лирическому герою удаётся сохранить оптимизм, веру в исцеление, в то, что любовь может быть спасительной. Открывается новая грань героя: перед читателем наивный, верящий в чудо человек. Он убеждён, что поцелуй любви, как в сказке, сможет сотворить чудо: «<...> И если бы мог я с моею любовью, / сказав, как волшебник: «Не плачь. Не горюй!» – / одним поцелуем вернуть ей здоровье, – / я жизнь бы отдал за такой поцелуй!» [1, с. 64].

Итак, в любовной лирике Г. Н. Капранова любовь становится синонимом жизни. Тема любви и жизни постоянно сливаются в единое целое, ведь правильно прожить жизнь, это значит сделать счастливым хотя бы одного человека и на любовь постоянно отвечать любовью. Судьба подарила поэту любящую, сильную мать, которая всегда гордилась сыном и получала в ответ взаимное уважение. Только любовь матери могла способствовать воспитанию сильной личности, способной на жертвенное чувство.

Еще один тип любви, ярко выраженный в лирике Г. Капранова, – любовь к Родине. Своей родиной поэт всегда считал Казань, поэтому сожалеет о том, что она становится обычной, шумной, каменной столицей, где человек одинок и несчастен.

Город все чаще в стихотворениях Капранова связан с грустью, печалью, одиночеством. Например, в лирическом произведении «Грустный мотив»: «В окне – огней шурум-бурум, / там шум / там город дышит. / Как много дум идет на ум, / Но дум / никто не слышит <...>» [1, с. 41].

Автор говорит нам о том, что среди всего этого шума и гама он одинок, ему не с кем поговорить. Лирический герой поэзии Капранова хочет что-то сказать,

чем-то поделиться, но его никто не слышит. Городская суета, безумный ритм жизни отдаляют людей друг от друга. Эффект одиночества усиливается соундальная художественная деталь – «шум», аллитерация «шурум-бурум», «шум», «шума» лишь «накаляет» обстановку. Стоит обратить внимание на соединение звуков. «Ш» – передаёт городскую суету, дисгармонию. Интересны исследования сторонников звуковых ассоциаций: «Ш» «выделяющееся, подмывающееся, выступающая, торчащее, возвышающая, выдающееся» [5] – шум, шина, школа, шов, шизофрения, шабаш, шаблон – это всё хаос городских образов, которые создаёт один звук. Данная буква несёт энергию неформального лидерства, а это значит, делает человека заложником ситуации. Лирический герой вынужден терпеть подобный дисбаланс, о его внутреннем состоянии сообщает протяжный, завывающий гласный «у»: «шум», «бурум», «ум», дум». Однако нельзя не заметить авторской иронии, она выражена в каламбуре слов, образов, звуков, и это далеко не случайно, ведь есть место, где лирический герой отдохнёт от суеты – деревня.

Противопоставляется цивилизованной дисгармонии деревенская тишина (Казанский район): «Мы валялись в свежей траве, / пахнущей кислотой щавелевой, / только волосы на голове / изредка ветерок пошевеливал <...>» [1, с. 81]. Здесь городской, душащий и надоедливый шум сменяется нежным ветерком. Снова деталь звука, но уже более гармоничного – звук «ветерка», полноту бытия создаёт ольфакторный код – запах счастья естественный, «пахнущий кислотой щавелевой». В душе лирического героя пробуждаются давно забытые чувства первой безответной любви, сыновней ответственности. Издревле щавель считался лечебной травой. Из листьев этой травы варили успокоительный отвар, а из корней готовили настой, который принимали при сердечной боли. Так, родной сердцу деревенский пейзаж становится целебным сиропом, который залечит все раны, причиненные городской жизнью [3, с. 121].

Итак, любовь к родине у Геннадия Капранова, как и любовь к матери, – чувство, которое сложно объяснить словами, поэтому и доминируют всего лишь ассоциации, которые раскрывают соундальная и ольфакторная детали. Поэт инту-

итивно любит природные щедроты Татарстана, но не может оставаться равнодушным к ускорению индустриальной мощи: ему не хватает покоя, гармонии, которые Геннадий Николаевич находит в казанских глубинках.

Любовь в лирике Геннадия Николаевича Капранова многогранна – материнская любовь, любовь к матери, любовь к женщине, к родине. Удивительно, но в любви к женщине лирический герой многолик – эгоист, волшебник, жертвенная личность, сильный мужчина. Не случайно основными деталями интимной лирики стали *руки – кулак – поцелуй*. Это формула счастья для автора и его лирического героя. В вышеупомянутых художественных деталях сила, единение, тепло.

Список литературы

1. Капранов Г.Н. Я чист, как родниковая вода, <...>. – Казань: Идел-Пресс, 2008. – 144 с.
2. Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов / Г.Е. Крейдлин, С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев. – М.: Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001 – 256 с.
3. Соболева Л.С. Зеленая аптека Татарии / Л.С. Соболева, И.Л. Крылова. – Казань: Татарское Книжное Издательство, 1990 – 198с.
4. Цивьян Ю. На подступах к карпалистике: движение и жест в литературе, искусстве, кино. – М.: Новое литературное обозрение, 2010 – 336 с.
5. Русские слоги Смысловые значения букв, слогов и слов русского языка [Электронный ресурс]. – <http://russkieslogi.ru/znachenija-russkih-bukv.html> (дата обращения: 23.01.15).